

Как реконструировать Мариинку?

Архвопрос — это вопрос архитектурный и архиважный. Начиная регулярную архитектурную рубрику, отдел культуры уведомляет: из множества проблем — профессиональных, социальных, экономических, юридических, криминальных, которые сегодня решает (или не хочет решать) современная российская архитектура, мы предполагаем обсуждать проблемы только архитектурно-культурные, актуальные и нуждающиеся в общественном обсуждении. Сегодня такой острой архитектурно-культурной проблемой, готовой перерасти в большой скандал, стал проект реконструкции Мариинского театра, подготовленный американским архитектором Эриком Моссом. Сейчас этот проект проходит процедуру кулуарного обсуждения и утверждения во властных инстанциях.

Ильветай. - 2002

Ольга КАБАНОВА

Вопрос, вынесенный в заглавие, трудно разрешим. И дело не в том, насколько хорош проект маститого, но не входящего в высшую лигу мировой элиты американского архитектора, предлагающего внедрить в давно устоявшийся, канонизированный питерский исторический контекст современные архитектурные формы и концептуальные решения. Проект (о его обсуждении «Известия» писали 18 января) может быть сам по себе и вполне хорош, хотя по тем фотографиям макета, которые удалось тайком увидеть, этого определенно утверждать нельзя. Но не в конкретном проекте дело. А в том, что город Санкт-Петербург, с тех пор как перестал быть Ленинградом, ничего нового и современного в своем историческом центре не строил. Как не строил и новых зданий в старых формах, не считая пары тройки элитных гостиниц и одного торгового комплекса в глубине Невского. Питер — не Москва, и он долго гордился своей подлинностью. Но и его юбилей пришел, и в него потекли деньги.

В исторических городах со знаменитыми архитектурными ансамблями вопрос о новом строительстве решался и решается позорно.

Есть вечная прекрасная Венеция, центр которой столетиями сохраняется неизменным и тихо, но неизбежно погибает. За то чохоточную красавицу обожает весь туристический мир.

Есть величественный и амбициозный Париж, пристроивший к Лувру большой подземный комплекс, выскочивший наружу стеклянной пирамидой. Пирамиду эту, почитаемую современной архитектурной классикой, до сих пор ненавидят многие парижане.

Есть Москва, где подземный торговый комплекс у стен Кремля вылез наружу куполом-пузырем с набалдашником и чередой скульптур сказочного зверинца, явно недостойного даже обгрызенного зубца кремлевской стены. Многие москвичи до сих пор не могут пройти мимо Манежной площади без содрогания, другие — могут, но никто, кажется, не смеет утверждать, что Манежная площадь — красивое место, удачный архитектурный опыт и пример для подражания.

Конечно, Санкт-Петербург желает участи Венеции. Петербург хочет оставаться городом-музеем. Единственным в нашей большой стране, где к историческим памятникам давно нет благоговейного отношения. Но Питер, в отличие от Венеции, — очень большой, промышленный и деловой мегаполис, ему нужно развиваться, ему необходимы инвестиции, которые идут под большие и громкие проекты. К тому же его исторические памятники находятся в таком плачевном и запущенном состоянии, что средств

на их качественную реставрацию и консервацию собрать в нашей экономической реальности просто невозможно.

Петербург не верит, что архитектурные новации могут быть ему к лицу и к чести. Хотя по «парижскому пути» развиваются многие европейские столицы, допускающие в своем центре разное дерзкое архитектурное новаторство. Но Европа — другой, далекий мир. А опыт Москвы — рядом, и опыт впечатляющий. Петербург, конечно, не хочет стать новой Москвой, которой придумал обидное прозвище — Лужковград.

Но вот парадокс. Если вместо американского проекта будет принят проект реконструкции Мариинки, предложенный питерскими архитекторами, в котором банально повторяются исторические архитектурные формы, то Петербург пойдет как раз по московскому пути. Ведь слепое или вольное копирование исторических форм стирает грань между памятником и новоделом. А кроме стилизации или копирования старой архитектуры отечественные зодчие ничего предложить не могут или не решаются. Потому что общество не поймет новаций на Площади искусств, общество этих новаций не хочет.

Против американского проекта настроены не только питерские архитекторы и ответственные за охрану исторических памятников лица, против него готова выступить вся городская общественность и, я уверена, против него будут готовы бороться широкие народные массы, если их ознакомить с проектным предложением Мосса.

И общественность в своем консерватизме, конечно, будет права. За последнее десятилетие у нее не было возможности убедиться, что современная архитектура может быть не только дерзкой, но и красивой. Даже гениальный, но радикальный проект реконструкции Мариинки, который затрагивает всю «Новую Голландию», не пережить, ни городу, ни миллионам его поклонников. Но без такого опыта отечественная архитектура не может развиваться, а может только топтаться на месте, где стоит. А там, на этом месте, положительных решений не найти.

Так что на вопрос, как реконструировать Мариинку, нет готового ответа. Ответ не подготовлен ни нашим обществом, ни нашей культурной ситуацией, ни нашей варящейся в собственном соку архитектурой. Зато ответ есть у американца Эрика Мосса, классного профессионала, но проживающего в совершенно другой архитектурной реальности. Он не знает особых чувств к имперскому Петербургу, не ведает о наших исторических комплексах и потому не предполагает истинных причин российского недоверия к современным радикальным архитектурным решениям.